

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления; промышленности; и иных направлениях, установленных Правительством Российской Федерации (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»).

Во-вторых, экспериментальные правовые режимы – новый формат взаимодействия органов государственной власти с представителями научного сообщества и предпринимателями. В результате, законоположения, регулирующие вопросы применения цифровых технологий, прорабатываются с точки зрения трёх составляющих: требований национальной безопасности и юридической техники; современного теоретико–методологического и практико–ориентированного знания; экономически оправданного и эффективного бизнеса в конкретном направлении деятельности. Речь идёт о нормативно–управленческом воздействии права на общественные отношения, в которых сегодня активно используются нейро– и квантовые технологии, блокчейн, виртуальная реальность, большие данные. Данный формат взаимодействия должен в перспективе способствовать, с одной стороны, преодолению «устаревания» законов, а с другой – стабильности действующих законоположений.

Список использованных источников

1. Егоров, А.В. Типологическая характеристика правовых основ современных социально–экономических систем / А.В. Егоров // Право в современном белорусском обществе. – Минск : Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2023. – С. 4–16.

1. Василевич, Г.А. Технологические императивы: проблемы и риски реализации / Г.А. Василевич // Право и цифровые технологии : Сборник статей Международной научно–практической конференции, Новополоцк, 25 ноября 2022 г. – Новополоцк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой». – 2023. – С. 13–15.

УДК 342

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО–ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

В.Н. Кивель

УО «Белорусский государственный экономический университет
кандидат юридических наук, доцент

В системе правоотношений, возникающих при обороте информации, особое место занимает институт государственной тайны. Важность и значимость этого института в эпоху информационных технологий, когда информация становится самым основным и ценным ресурсом в обществе, многократно возрастает. Государственная и служебная тайна существует во всех странах мира и является неотъемлемой составляющей суверенитета и системы управления [1, с. 14].

Как показывает исторический опыт социального института тайн, в случае разглашения государственной тайны ущерб, нанесенный интересам государства, в абсолютном большинстве случаев ничем не может быть компенсирован. Именно поэтому государственная тайна наиболее категоричная и строго охраняемая законом [2, с. 160].

Наиболее активно исследованием вопросов становления и развития института государственной тайны в историческом аспекте занимались российские правоведы М.О. Баев, М.А. Вус, О.С. Соколова и др.

Исторически так сложилось, что земли Беларуси входили с середины XIII и до середины XVI века в состав Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), а с середины XVI века и до конца XVIII века – в состав Речи Посполитой. В этот период времени правовую основу составляли нормы Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 годов. И.Н. Кузнецов справедливо отмечает, что «самым значимым событием в развитии феодального права ВКЛ в XVI веке является разработка и принятие Статутов 1529, 1566 и 1588 годов. Именно на XVI век приходится второй период в развитии права – статутный период» [3, с. 48].

Правовым актом, где нашли свое закрепление нормы о государственных преступлениях, является Статут 1588 г. В частности, в разделе первом «О персоне нашей господарской» содержится ряд статей, в которых предусматривались деяния, относящиеся к государственной измене, в частности: договоренность с врагами, послание им писем или послов против государя, Речи Посполитой, послание неприятелям помощи, приведение по-предательски людей неприятельских в панство ВКЛ (ст. 3) [4, с. 18]; бегство подданных с панства в землю неприятельскую со злым умыслом измены и в ущерб нам, государю, Речи Посполитой, тот теряет честь (ст. 6) [4, с. 19] и др. За все вышеперечисленные деяния была предусмотрена смертная казнь.

Несмотря на то, что статьи Статута ВКЛ 1588 г. содержали нормы о государственных преступлениях, законодательного определения государственной тайны в ВКЛ не было. После присоединения Беларуси к России Статут 1588 г. продолжал действовать. 15 июня 1840 г. окончательно отменяется действие Статута 1588 г. и начинают действовать уголовные нормы российского Свода законов 1832 г. Свод законов вступил в действие с 1 января 1835 г. [5]. Так как земли Беларуси в 1795 г. вошли в состав Российской империи и развитие законодательства о

государственной тайне неразрывно связано с ней, исследуем историю становления института государственной тайны в России.

Первое упоминание в российском законодательстве о защите секретов в сфере государственной службы и о наказании (весьма суровом) тем, кто «тайно из коллегияльных писем и документов что унесет», исследователи находят в Генеральном Регламенте 1720 г. Состав преступления, как отмечает М.А. Вус, был формальным – ответственность в виде «смертной казни или вечной ссылки на галеры с вырыванием ноздрей и конфискацией имущества виновного» наступала безотносительно к последствиям совершенного деяния [2, с. 19, 20]. В дальнейшем развитие нормативно–правовой базы нашло свое отражение в указах российского императора от 13 января 1724 г. «О написании секретных дел в партикулярных письмах», от 16 января 1724 г. «О поручении секретных дел в Сенате благонадежным людям» и в Приказе Правительствующего Сената от 5 марта 1724 г. «О надписях на пакетах, в которых секретные дела» [6, с. 116].

Хотя статьи дореволюционного законодательства и содержали нормы о государственных преступлениях, однако законодательного определения государственной тайны в русском праве не было. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержался раздел «О преступлениях государственных», в котором указывался перечень деяний, относящихся к государственной измене: сообщение российским подданным «государственных тайн иностранному правительству», злоупотребление доверием дипломатическим или иным чиновником «с умыслом в явный вред для отечества» и др. Более детальный перечень государственных преступлений и наказания за их совершение определяло Уголовное уложение 1903 г., в главе «О государственной измене» которого устанавливалась уголовная ответственность «за шпионство» (однако само это понятие не определялось), а также «за снятие копий с секретных документов» [2, с. 19, 20].

Законом «Об изменении и дополнении действующих узаконений о государственной измене путем шпионства» от 5 июля 1912 г. было расширено понятие государственной измены путем шпионажа, путем введения ряда новых карательных санкций, в том числе за пособничество в шпионаже и за разглашение секретных сведений. Закон ввел определение государственной тайны применительно к военной сфере – это «сведения или предметы, касающиеся внешней безопасности России или вооруженности ее сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны» [2, с. 25].

В июле 1914 г. вступил в силу Указ «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» и введен в действие первый «Перечень сведений, являющихся военной тайной». Р.М. Гатагонова отмечает, что сформированный тогда механизм военной цензуры оказался оптимальным: многое из военного опыта взяли на вооружение органы советской цензуры,

в частности, составление отчетов, их форму, движение по инстанциям [9, с. 117].

В силу исторических условий советское правительство, вынужденное работать вместе с представителями бывших господствовавших классов, с первых дней своего существования столкнулось с проблемой шпионажа. Именно поэтому уже в период Гражданской войны в декабре 1918 г. приказом Реввоенсовета Республики было введено «Положение о военной цензуре» (с приложениями: Перечнем сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой, и Перечнем сведений, не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных сообщений) [2, с. 27].

Введенный в действие в 1922 г. первый советский Уголовный кодекс носил классовый характер, признавая контрреволюционным «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов» [2, с. 27].

В 1926 г. постановлением Совета народных комиссаров был утвержден новый открытый «Перечень сведений, являющийся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной». Все сведения были разделены на три группы: сведения военного характера, сведения экономического характера и сведения иного характера. Кроме этого, было введено три категории секретности [2, с. 28].

Как отмечает А.А. Фатьянов, «такой тотальной секретности, как с начала 30-х годов, в нашей стране, видимо, никогда ранее не было. Первоначально большевики достаточно откровенно публиковали статистику, но, как уже было сказано, с начала 30-х годов стало засекречиваться все больше и больше сведений [7, с. 7]. А.А.Фатьянов указывает, что «в советский период, с конца 50-х – начала 60-х годов, в стране сформировалась достаточно стройная и вполне удовлетворявшая потребностям государственного аппарата система ограничительных институтов на доступ к информации: государственная тайна, служебная тайна и сведения ограниченного распространения (институт сведений «Для служебного пользования») [8, с. 15].

На страже засекреченных сведений в СССР стояли работники цензуры. В целях предотвращения разглашения государственных тайн в печати имела место цензура всех готовящихся публикаций; существовали специальные перечни сведений, несанкционированных к открытому опубликованию [2, с. 29].

После распада СССР, как отмечает О.С. Соколова, «в начальный период политического реформирования на постсоветском пространстве бытовала точка зрения о том, что институт государственной тайны утратил актуальность и несовместим с такими понятиями, как гласность и демократия. Однако реалии международных отношений, жесточайшая конкуренция в борьбе за сферы экономического и политического влияния

потребовали четкого и детального регулирования правоотношений в сфере государственной тайны» [1, с. 14].

Определенную ясность в решение вопросов места государственной тайны в жизни общества и государства внес принятый Закон Республики Беларусь от 29 ноября 1994 г. «О государственных секретах», который действовал шестнадцать лет. В настоящее время действует Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. «О государственных секретах», который вступил в силу 05 февраля 2011 г. Согласно ст. 16 Закона государственные секреты подразделяются на две категории: государственную тайну (сведения, составляющие государственную тайну) и служебную тайну (сведения, составляющие служебную тайну).

Государственная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых могут наступить тяжкие последствия для национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых может быть причинен существенный вред национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна может являться составной частью государственной тайны, не раскрывая ее в целом

На основании анализа законодательства Республики Беларусь в сфере государственной тайны можно выделить следующие характерные признаки для сведений, составляющих государственную и служебную тайну, и их особенности:

1) государственная и служебная тайна является категорией государственных секретов;

2) это сведения в области политики, экономики, финансов, науки, техники, в военной области, области разведывательной, контрразведывательной, оперативно–розыскной деятельности, информационной и иных областях национальной безопасности Республики Беларусь;

3) сведения, составляющие государственную характерные признаки для сведений, составляющих государственную и служебную тайну, имеют степени секретности с проставлением соответствующих грифов;

4) установлен срок засекречивания, а также порядок изменения данного срока и рассекречивания сведений;

5) на законодательном уровне регламентирован порядок доступа и обращения с такими сведениями;

6) контроль и защита государственных секретов в пределах полномочий осуществляется государственными органами и иными организациями, наделенными полномочием по отнесению сведений к государственным секретам, другими государственными органами и иными организациями, осуществляющими деятельность с использованием государственных секретов;

7) в результате разглашения или утраты таких сведений могут наступить тяжкие последствия или причинен существенный вред для национальной безопасности Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт государственной и служебной тайны имеет глубокие корни, и на различных этапах становления белорусской государственности в понятие «института государственной и служебной тайны» и его роли (места) в государстве вкладывалось различное значение.

Список использованных источников

1. Соколова, О. С. Институт государственной тайны в российском законодательстве / О. С. Соколова // Современное право. – 2019. – № 11. – С. 14–17.
2. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. М.А. Вуса, А.В. Федорова. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – 752 с.
3. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси : пособие для студентов высш. учеб. заведений / И.Н. Кузнецов, В.А. Шеокопляс. – Минск : Тесей, 2004. – 320 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2010. – 207 с.
5. История уголовного права Республики Беларусь [Электронный ресурс] // БарГУ. – Режим доступа: <http://bargu.by/322-istoriya-ugolovnogo-prava-respubliki-belarus.html> (Дата доступа: 25.03.2025)
6. Гатагонова, Р.М. Становление и развитие института защиты государственной тайны в России / Р.М. Гатагонова // Бизнес в законе. – 2010. – № 5. – С. 116–118.
7. Фатьянов, А.А. Тайна как социальное и правовое явление, ее виды / А.А. Фатьянов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 5–14.
8. Фатьянов, А.А. Проблемы формирования института служебной тайны в отечественном праве / А.А. Фатьянов // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 14–2

УДК 347.440.64

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДОЛЕЙ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: ТЕОРЕТИКО–ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Л.А. Козыревская

УО «Белорусский государственный экономический университет»

кандидат юридических наук, доцент